

ЭМФАЗА И ЭМФАТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. ДЕ ВИНЬИ «СТЕЛЛО»)

Т. Н. Жужгина-Аллахвердян

Национальный горный университет (г. Днепрпетровск, Украина)

Поступила в редакцию 19 августа 2015 г.

Аннотация: в статье, посвященной проблемам эмфазы, определяются эмпатические конструкции и способы их функционирования во французском лирико-философском дискурсе 1830-х гг. Использована методика исследования эмфазы как риторического и лингвистического приема; изучаются принципы ассимиляции эмпатической интонации, ударения и ритмики речи в лирической прозе, некоторые вопросы трансфера эмпатических приемов, характерных для французского языка и романтического стиля.

Ключевые слова: эмфаза, эмпатические конструкции, лирический текст, интонация, ударение, лирический ритм, концентрация внимания, риторические приемы.

Abstract: the article is devoted to the issue of emphasis. It defines its features in French romantic lyrical text of the 1830s. The article examines the features of emphatic intonation, stress, lyrical rhythm, rhetorical exclamation, interrogation, special attention, or focus and the emphasis assimilation of the romantic style.

Key words: emphasis, emphatic constructions, lyrical text, intonation, stress, lyrical rhythm, focus of attention, rhetorical means.

Эмфаза рассматривается нами в лирическом тексте XIX в. как средство интенсификации значения слова и словосочетания в прозаическом тексте, отмеченном ярко выраженной экспрессивностью и обилием мотивно маркированных конструкций. Лирический стиль, которым написано большинство художественных произведений во Франции первой половины XIX в., требовал аффективной напряженности, достигаемой с помощью разнообразных интонационных, стилистических и лексико-грамматических приемов, а его звуковое воспроизведение – особой декламации, чему в немалой степени способствовала эмфаза. Во многом определяя тропику и фигурацию фразы в поэтическом тексте, эмфаза оказывает влияние на ее семантическое содержание и синтаксис, ритмику и пунктуацию, семантическую структуру, формирование лексических полей, логическую артикуляцию, романтические лирические коннотации и детерминанты [1, р. 454]. Для экспрессивно-аффективного синтаксиса (понятия «экспрессивный синтаксис», «аффективный синтаксис» были введены основоположником лингвистилистики Ш. Балли [2, р. 298]) характерны инверсия, различные способы выделения ключевых слов и выражений, вопросы и восклицания, повторения, антитетические сопоставления, лексические и синтаксические параллелизмы как симметрично расположенные однотипные, однородные по строению, фразы и их части [3, с. 377–378].

Рассмотрим некоторые эмпатические средства и позиции на примере романа А. де Виньи «Стелло» (1832). В очерке о Виньи Анатолий Франс заметил, что проза была чужда этому писателю и осваивалась им медленно, как иностранный язык [4, р. 25]. Действительно, Виньи, работая над прозой, оставался поэтом. Потому в процессе исследования «Стелло» как культурно-исторического явления романтизма и его идентификации как лирико-философского дискурса особое значение приобретает анализ результата «одновременного схождения эффектов на разных уровнях языковой организации» [5, с. 43]. Под эффектами следует понимать эффекты эмфазы, выражающиеся прежде всего в интонационной, логической и контрастной маркированности романного текста, особенностях его фигурации, мотивно-экспрессивной лексики и синтаксиса. Обнаружить в тексте романтического романа эмпатические конструкции, свойственные в первую очередь поэтическому жанру, и определить их лирическую природу не составляет труда. Сложность заключается в выявлении особенностей коммуникативного и стилистического функционирования эмфазы в поэтическом нерифмованном тексте, а также в определении роли средств интонирования слова при создании специфического «эмотивного кода» [6; 7] романтизма. Не претендуя на решение всего спектра задач, обратимся к текстуальному анализу эмпатической системы «Стелло», предварительно уточнив, что в этом лирико-философском романе-диалоге, наряду с различными лексико-

грамматическими эмфатическими средствами, воспринимаемыми главным образом зрительно, автор использовал приемы, обычно рассчитанные на слуховое восприятие, делая акцент на речевом портрете персонажей, понижении и повышении голоса, темпе и ритме речи, паузах, чередовании тональностей и интонаций. Подчеркнем, что эмфатическая интонация отличается от нейтральной эмоциональной окраской, разнообразием примов логической, ритмической и другой акцентуации отдельных слов и выражений, имеющих как эмотивные значения, принадлежащие семантике и коммуникативной лингвистике [6], так и экспрессивные значения, относящиеся к стилистике.

Среди эмфатических конструкций особое место занимают риторические вопросы, восклицания и обращения. Рассмотрим их основные эмфатические функции и коннотации на примерах [8, с. 287–352]. Наиболее часто встречаются в тексте следующие риторические конструкции.

1. Риторический вопрос с иронической коннотацией.

– *A quoi bon, je vous prie, une âme à Trianon?*

– *Pour s'entendre parler de remords, de principes d'éducation, de religion, de sacrifices, de regrets de famille, de craintes sur l'avenir, de haine du monde, de mépris de soi-même, etc., etc., etc.?*

Ироническая эмфаза выражена риторическим перечислением понятий морали, завершающимся эмоциональным повтором *etc., etc., etc.*

– *Au premier abord, on sent bien quelle est la puissance qui pèse sur son âme, mais qui devinera jamais jusqu'à quel degré cette femme est possédée? Qui osera interpréter hardiment ses actions et qui pourra, dès le premier coup d'oeil, savoir le secours qu'il convient d'apporter à ses douleurs?*

В этом фрагменте последовательность и логичность вопросов обеспечена использованием приемов градации и риторической рефлексии, пронизанной иронией и чувствительностью. Благодаря эмфазе внимание сконцентрировано на внутреннем мире персонажа.

2. Риторический вопрос с интонационно маркированными вопросительными словами, в сочетании с инверсированными конструкциями:

– *Pourquoi le sentiment du bien et du juste s'est-il établi dans mon coeur?*

– *Comment voulez-vous que je résiste à tous, moi seul, moi qui ne suis rien, moi qui n'ai rien au monde qu'une pauvre plume, et qui manque d'encre quelquefois?*

– *Quelle forme symbolique pourrais-je donner jamais à cette incroyable souffrance?*

– *Quel résultat de l'éducation que je reçus à Saint-Cyr!*

Как структурные элементы риторического вопроса вопросительные слова несут эмотивную нагрузку и придают эмоциональную напряженность не только монологическому высказыванию, но и всему диалогу. Риторические вопросы выполняют в философском диалоге сложную коммуникативную функцию педантичного (наставительного) слова, требующего от слушателя эмоциональной активности и соответствующей реакции. *Pédantisme de parole, de comportement* (педантизм слова, поведения) [9, с. 170] рассматривается здесь как одна из основных коммуникативных функций эмфазы в ее неизбежном и принципиальном сочетании с «эмотиогенностью когниции» (познания), различием «эмотивной валентности языковых единиц, их эмотивной семантики и их эмотивного употребления» [6, р. 34] в лирико-философском дискурсе. Под «педантизмом слова», высказывания следует понимать прежде всего модель речевого поведения и особую романтическую претенциозность, источником которой является просветительская эрудированность, а также способ языкового манипулирования и средство скрытого или явного психолингвистического воздействия на собеседника, слушателя с помощью образов и средств речи [10, с. 25–35], среди которых эмфаза играет не последнюю роль. Несомненно, речевое манипулирование не всегда негативно, как часто принято считать [11, с. 257–262] и, определенно, не всегда является средством «речевого насилия» [12, с. 47]. Дискурс «Стелло» тому яркий пример: Учитель, Черный Доктор, «самый бесстрашный из докторов», прибегает к эмотивному слову, чтобы, воздействуя на поэта, излечить его от сплина и желания посвятить свою музу политике, сложившегося под влиянием прагматизма и утилитаризма, вопреки идее безвозмездности и немотивированности искусства и поэзии [1, р. 461]. В результате смены тональности (от сентиментально-лирической и иронической до патетической, эпической и трагической), использования противоположных по смыслу слов и романтических алогизмов достигается желанный эмфатический контраст [13, р. 231].

Как было отмечено исследователями стихотворного слога, «существенно способствует эмфатическому интонированию расчлененность» и присутствие в тексте структурных пауз [14, с. 899]. Обратим внимание на специфику «эмфатического механизма» смены интонации и основные типы расчленения текста в лирической прозе. Рассмотрим несколько выразительных эмфатических эффектов, среди них следующие:

1. Прием повышения интонации для выражения измененных форм сознания, передачи переживания, волнения, крайнего возбуждения, болезненного бреда:

– *Un rat! cria-t-il... Un lapin!... Je jure sur l'Évangile que c'est un lapin... C'est Voltaire! C'est Vol-à-*

terre!... Oh! le joli jeu de mots! n'est-ce pas? Hein! mon cher seigneur... il est gentil, mon jeu de mots?

Эмфатическое интонирование нейтральных слов *un rat, un lapin, Voltaire, jeu de mots* достигнуто при помощи восклицаний, пауз и выразительной пунктуации. Приобретая эмотивную коннотацию, эти слова передают крайнее возбуждение, состояние аффекта, полубезумия. Игра слов *C'est Voltaire! C'est Vol-à-terre!*... и аффективный синтаксис также участвуют в создании речевого портрета больного, находящегося в патологически-взволнованном состоянии.

2. Прием понижения интонации для передачи различных состояний и оттенков чувств – печали, сожаления, растерянности, недоумения и др.:

– *Tu viendras donc toujours la même avec tous? dis-je à la Mort, assez bas pour que mes lèvres ne fissent aux oreilles du mourant qu'un bourdonnement incertain* (сдержанность, смирение, умиротворение);

– *S'ils la détruisent, que me restera-t-il en ce monde ténébreux?* (интонация данного вопрошания свидетельствует об отчаянии, безысходности).

3. Эмоциональное обращение в сочетании с междометием *Ah! Hélas!* и др., которые нередко имеют в тексте прямо противоположные значения. Обращения встречаются как в восклицательных, так и в вопросительных предложениях, как с пониженной, так и с повышенной интонацией. Их точное эмотивное значение определяется контекстом и подтекстом, скрывающим богатый спектр чувств:

– *Ah! Sire, croyez-vous que Dieu me pardonne jamais?* (лукавство, притворство);

– *Ah! d'Alembert, joli pédant, que tu me tourmentes!* (возмущение, негодование);

– *Hélas! dit-il, monseigneur, faites que je m'écrie comme Pascal...* (сожаление).

4. Риторическое обращение, часто выступающее в составе развернутой фигуральной конструкции, метафорической или эпитетной структуры:

– *O triste, ô douloureux, ô profond et noir Docteur!*

– *O damné commentateur! vous m'éveillez! s'écria Stello sorti des délices de son rêve poétique.*

– *Chère Kitty! me disais-je (car en ce moment je me sentais pour elle l'amour qu'avait pour Phèdre sa nourrice, son excellente nourrice, dont le sein frémissait des passions dévorantes de la fille qu'elle avait allaitée), chère Kitty!*

– *Ah! mon ami, si vous pouviez voir sur ma tête ces impitoyables Farfadets, vous concevriez à peine qu'il me soit possible de supporter la vie.*

5. Характерные для диалогической речи риторические обращения *Dieu, mon Dieu, dame, pardieu* и др., выступающие во французском языке в функции междометия:

– *Hélas! hélas! mon Dieu, pourquoi avez-vous permis à ces petits monstres de s'attaquer à cette bosse du Merveilleux?*

– *Ah! Dieu soit loué! s'écria Stello en levant les yeux, voici un vivant;*

– *Dieu du ciel et de la terre! s'écria le Docteur Noir en se levant tout à coup...*;

– *Voilà, pardieu, ce que j'aime de vous...*

6. Экспрессивный глагол, передающий разнообразные модуляции голоса, усиливает выразительность реплики:

– *Hélas! hélas! soupira Stello, que gagnerons-nous à comprimer ce beau mouvement de mon coeur?*

– *Ah! Sire, m'écriai-je, celui-là l'est des philosophes...*;

– *Ah! Sire, dit-elle tout doucement, vous parlez si bien!...*;

– *Oh! qui m'expliquera la SOUMISSION DE LA RAISON? ajouta-t-il avec une voix de tonnerre lorsqu'il prononça les derniers mots...*

Особое внимание («special attention, or focus» [13, p. 231]) сконцентрировано на выделенном заглавными литерами философском термине *SOUMISSION DE LA RAISON* и на последующей речевой характеристике говорящего, создающей необходимый эмфатический контраст речевых и поведенческих моделей, основанных на романтическом противопоставлении разума и чувства.

7. Эмфатическое интонирование, выраженное с помощью императива в составе вопросительных и восклицательных конструкций:

– *Laissez-moi, Démons glacés et agiles, qui courez sur chacun de mes nerfs en le refroidissant et glissez sur cette corde comme d'habiles danseurs!*

– *Assez! assez! La pauvre petite! s'écria Stello. Oh! assez! N'ajoutez rien à cela.*

Эмфаза как способ интонирования слова актуализируется также через повторы и перечисления однородных членов предложения, часто в составе риторического восклицания:

– *Joye! Certitude, joye, certitude, sentiment, vue; ...Joye, joye, joye et pleurs de joye!*

– *Accablé! accablé! nous sommes accablé, monsieur, me dit Louis XV...*

Интересен прием, когда повтор исполняется на другом языке (в нашем примере – английском):

Et il est parti! Pauvre Kitty! L'ingrat, he is gone!

В тексте романа часто встречается анафора, разновидность повтора и способ поэтического интонирования, подчеркивающий взволнованность лирической речи:

– *J'aurais pu nouer avec lui une utile et conciliante amitié; j'aurais pu parvenir à sonder les plaies inconnues de son coeur...*

Анафора, актуализируясь в развернутом метафорическом контексте, сообщает прозе черты поэтического стиля:

– *Jamais la vénérable ville de Londres n'avait étalé avec tant de grâce les charmes de ses vapeurs naturelles et artificielles, ... jamais le soleil n'avait été aussi mat ni aussi plat que le jour où je me trouvai plus tôt que de coutume à la petite boutique de Kitty;*

– *Cette ombre est élancée et leste dans sa démarche. ... Cette ombre porte un chapeau triangulaire dont un des côtés est rabattu sur les yeux...*

В «Кредо поэта» [8, р. 292] анафора *Je crois en moi* и *Je crois* усиливает провозглашаемую идею служения. Монолог завершается ключевыми словами *le Dévouement et la Pitié*, которые дважды интонируются – графически и синтаксически.

Значительная эмфатическая нагрузка во французском языке ложится на *mise-en-relief*. В связи с этим следует обратить внимание на эмфатическую функцию французского указательного местоимения *ce*, зачастую употребляемого с несамостоятельным глаголом *être* (*c'est...*, *ce sont...*) в составе различных синтаксических конструкций, используемых для выделения существительного или местоимения с относительными словами *que*, *qui*, а также наречия или предлога и существительного с союзом *que* [15, с. 145]:

– *...c'est bien, mon enfant! c'est noblement représenter notre bienheureuse patrie!*

– *Et c'est vous, vous qui êtes le médecin des âmes...*;

– *Ah! silencieuse Anglaise, c'est bien tout ce que vous avez dû dire!*

– *C'était là que mon âme apaisée trouvait mille poétiques illusions...*

Аналогичную выделительную функцию выполняют *voilà*, *voilà que*, *voilà qui*:

– *Tenez, les voilà tous à présent réunis, amoncelés, accumulés sur la bosse de l'Espérance.*

– *Te voilà bien, l'Inévitable...*;

– *...et voilà que cet asile est encore attaqué par ces infernales et invisibles puissances!*

Особое значение приобретает эмфатическое интонирование личного ударного местоимения, в том числе, в сочетании с другими частями речи или в составе развернутой эпитетной структуры:

– *Et moi, comment pourrais-je me pardonner?* (в сочетании с союзом);

– *Pour moi, je jurerais que la plus bête est la première, et la plus sotte la seconde* (в сочетании с предлогом) и др.

Как показало текстуальное исследование, фило-софско-лирический дискурс в «Стелло» отличается эмфатической насыщенностью и эмоциональной

напряженностью, эмотивной когницией и экспрессивным интонированием реплик, описаний и других текстуальных структур, разнообразием способов выделения и акцентуации мысли, выражения оттенков чувств, аффектов, в том числе в яркой фигуральной форме. Эмфатические средства, будучи важными психологическими детерминантами лирического романтического текста, являются необходимыми структурными элементами коммуникативного синтаксиса, имеющего эмфатическую, эмотивно-экспрессивную и аффективную природу. В таком тексте эмфатические стилистические и синтаксические элементы и конструкции вместе с экспрессивной лексикой и идиоматикой, риторическими структурами и стилистическими фигурами экспрессивно окрашивают текст, задают ему необходимый эмоциональный тон, определяют эмотивный ритм и содержание. В лирическом дискурсе эмфаза, актуализированная с помощью многочисленных интонационных, лексико-семантических, синтаксических, риторических и стилистических средств, подчеркивает различные смысловые оттенки слова и фразы, концентрирует внимание на ключевых моментах, фиксирующих психологические состояния, эмотивные модели поведения и рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Littérature. Textes et méthodes / sous la direction d' Hélène Sabbah. – P. : Hatier, 1994. – 464 p.
2. Bally Ch. Traité de stylistique française. Troisième édition / Ch. Bally. – 2. vol. – P. : Klincksieck, 1951.
3. Остринская Н. Н. Особенности функционирования параллельных синтаксических конструкций (на материале современного французского языка) / Н. Н. Остринская // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики : материалы Междунар. науч. конф. (г. Волгоград, 18 октября 2013 г.). – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – С. 376–379.
4. France A. Alfred de Vigny / A. France // Oeuvres complètes illustrées. – P. : Calmann-Lévy, 1925. – P. 25–65.
5. Ладницька О. Л. До питання поділу стилістики на лінгвістичну та літературознавчу / О. Л. Ладницька // Мова і культура. – Вип. 9, Т. X (98). – Київ : Видав. Дім Дмитра Бураго, 2009. – С. 41–46.
6. Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность / В. И. Шаховский // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград : Волгогр. пед. ин-т, 1990. – 167 с.
7. Эмотивный код языка и его реализация / Н. С. Болотнова [и др.]. – Волгоград : Перемена, 2003. – 174 с.
8. Vigny A. de. Première Consultation du Docteur Noir. Stello / A. de Vigny // Oeuvres complètes; préface, présentation et notes par P. Viallaneix. – P. : Seuil, 1964. – P. 287–352.

9. Dictionnaire de la langue française. – P. : Edition de la Connaissance, 1995. – 511 p.
10. *Копнина Г. Н.* Речевое манипулирование / Г. Н. Копнина. – М. : Флинта ; Наука, 2007. – 176 с.
11. *Подшивайлова О. М.* К проблеме определения манипулятивного воздействия / О. М. Подшивайлова // Мова і культура. – Вип. 9, Т. X (98). – Київ : Видав. Дім Дмитра Бураго, 2014. – С. 158–162.
12. *Ковшова М. Л.* Лингвистический анализ текста (речевая манипуляция) / М. Л. Ковшова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 46–55.
13. *Crystal D.* The Cambridge encyclopedia of the english language / D. Crystal. – Cambridge university press, 1995. – 489 p.
14. *Жовтис А. Л.* Эмфаза / А. Л. Жовтис // Краткая литературная энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1975. – Т. 8. – С. 898–899.
15. *Ганшина К. А.* Французско-русский словарь / К. А. Ганшина. – М. : Русский язык, 1990. – 960 с.

Национальный горный университет (г. Днепропетровск, Украина)

Жужгина-Аллахвердян Т. Н., доктор филологических наук, профессор кафедры перевода

E-mail: arama3@rambler.ru

Тел.: (056) 378-63-83

National Mining University (Dnipropetrovsk, Ukraine)

Jujgina-Allahverdyan T. N., Doctor of Philology, Professor of Translation Department

E-mail: arama3@rambler.ru

Tel.: (056) 378-63-83